

ДВОРЦОВЫЕ ПИРШЕСТВА
В ЭПОХУ ХЭЙАН. ИСТОКИ
ЧАСТЬ 1

PALACE BANQUET IN THE HEIAN JAPAN
THE ORIGINS
PART 1

© 2021 **Максим Васильевич Грачёв***

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (ИСАА МГУ); доцент кафедры стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия maxgr73@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

Maxim V. Grachyov

PhD (History), Associate Professor, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University; Department of East Asian Countries, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; maxgr73@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Одним из ключевых элементов жизни раннесредневекового японского общества была трапеза. Она включала в себя особый ритуальный аспект, а потребление различных пищевых продуктов имело не только утилитарное, но и символическое назначение. Придворные банкеты традиционно проводились для повышения престижа хозяина или укрепления социальных связей между участниками. Образовательный потенциал придворного застолья также был значительным. Эта практика была прочно обоснована ранней японской придворной религиозной и церемониальной традицией и даже частично продолжала ее идеалы. Дворцовые регламенты сохранили и способствовали продолжению таких традиций; среди них наиболее известен свод «Бокудзансё» (Заметки с Северной горы). Вполне возможно, что жесткое регулирование количества и вида потребляемой пищи не только расширило сферу священного, но и сделало придворную жизнь более дисциплинированной. Общая трапеза также укрепляла идеалы придворной среды. С другой стороны, император и его ближайшее окружение были отделены от общества в целом. Таким образом, засвидетельствование придворного пира представляет для нас несомненный интерес: внутренняя жизнь императорского дворца, его положения, идеалы, царившие в сердцах и умах сановников, а также различные социальные нормы и проблемы, существовавшие в придворном обществе. В статье описывается феномен японской дворцовой трапезы в IX–XII вв., на основе анализа которого предлагается частичная реконструкция образа жизни японского придворного общества.

Ключевые слова: Япония, эпоха Хэйан, придворный пир, застолье, вино, стихосложение, дворцовый комплекс, император, сановники, ритуал, церемониал

Для цитирования: Грачев М. В. Дворцовые пиршества в эпоху Хэйан. Истоки. Часть 1. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 166–179. DOI 10.18254/S268684310018004-2

The process of meal consumption was one of the key elements in the life of early medieval Japanese society as it included special rituals. Thus, food had an enormous symbolic purpose among the utilitarian ones. Court banquets were held to enhance the prestige of the host or strengthen social ties between the participants. The educational potential of the court feast was no less important. This practice was well-grounded in the early Japanese court religious and ceremonial tradition and partially continued its ideals. Court regulations preserved and furthered such traditions, for example, the *Bokuzansho* (Notes of the Northern Hills) is the best known among them. It is possible that the strict regulation of food amount and type not only enlarged the sphere of the sacred but also made court life more disciplined. The common meal strengthened the ideals of the court environment: the emperor and his inner circle were distinguished from the general community.

To sum up, the description of the court allows us to better understand the life in the imperial palace, the provisions and ideals in dignitaries' minds, and the various social norms and problems that existed in the court society. In the article, the author describes the phenomenon of Japanese palace meals in the 9th to 12th centuries. Therefore, based on this analysis, he presents a reconstruction of the lifestyle of Japanese court society.

Keywords: Heian Japan, court banquet, feast, wine, versification, palace complex, emperor, dignitaries, ritual, ceremonial routine

For citation: Maxim V. Grachyov. Palace Banquet in the Heian Japan. The Origins. Part 1. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 166–179. DOI 10.18254/S268684310018004-2

Понятия «пир», «пиршество», «застолье» характерны для различных культур и зафиксированы в письменной традиции многих народов. Пир, будучи формой культурной жизни разных обществ и эпох, был тесно связан с функциями социальной жизнедеятельности людей. Пиршества были распространены на всех уровнях социума, а потому в них отражались как коллективные, так и частные формы социальной жизни; находила выражение колоссальная общественная значимость. Пиреи, носившие подчеркнуто демонстративный характер, рассматривались как разновидность межличностного общения, свидетельство социальной коммуникации, структурообразующий компонент системы управления.

Настоящая статья открывает серию публикаций, посвященных японскому дворцовому пиршеству как историческому явлению, предполагающему важную социальную роль. Эпоха Хэйан (794–1185) выбрана не случайно, поскольку она богата разнообразными историческими источниками: летописями, сводными историческими трудами, собраниями законов, актов документацией, дневниками сановных персон, художественной литературой и т. д. Пиреи в этих источниках нашли многообразное отражение со всем присущим японской культуре неповторимым колоритом. Плодотворным представляется сопоставление сохранившихся в письменном наследии эпохи Хэйан свидетельств, раскрывающих экономические, социокультурные и правовые аспекты дворцовых пиров, где причудливо переплетались формы коллективной и частной жизни, поскольку пир — это и завораживающее зрелище, и пышный ритуал, и насыщенная различными культурными смыслами знаковая система. Обращение к данной теме позволит приблизиться к разгадке такого многоликого явления, как государев двор.

ЦАРЕДВОРЕЦ О ЦАРЕДВОРЦАХ

Фридрих Рудольф фон Каниц (1654–1699) — государственный муж, дипломат и выдающийся поэт своего времени¹, не понаслышке знакомый с придворными распорядками, чья жизнь была омрачена личными трагедиями, в часы уныния охарактеризовал двор следующими словами:

«Дворец, где чары ткет бездушная Цирцея;
Тюрьма, где у рабов золотая цепь на шее;
Умалителен дом, в котором что ни шаг,
То или смеющийся, или плачущий дурак;
Богатый монастырь, где нищенствует братья;
Больница, где больному больному шлет проклятья
Затем, что есть за стол не хочет рядом с ним;
Базар, где продают лишь ветер или дым
И где всего вольней прожженным шарлатанам,
Привыкшим действовать бессовестным обманом;
Бессменный карнавал, где злой порок трунит
Над добродетелью, чьей маской сам закрыт.
Льстить — значит здесь уметь с людьми отлично
ладить,
Взводить напраслину — мешать мерзавцам гадить,
Надменным быть — свой дух свободным сохранять,
Жить пышно — своего багрянца не пятнать,
Сквалыжничать — вести хозяйство превосходно,
Хитрить — доверия не расточать бесплодно,
Пить горько — истину в бокале находить,
Распутничать — у дам досуги проводить.
Да, добродетельно прожить здесь невозможно.
Попробуй сделать шаг один неосторожный,
И окружит тебя таких чудовищ рать,
Каких и в Африке тебе не повстречать»².

И хотя немецкий государственный деятель принадлежал к другой культуре и эпохе, суждение фон Каница справедливо, как нам представляется, и по отношению к японскому

1 Стихотворения Каница, изобилующие бесчисленными наблюдениями над придворными манерами, пользовались огромной популярностью у современников, а сам автор слыл человеком принципов, незаурядной личностью, обладателем прекрасного характера, не обделенным навыками тонкого обращения с людьми. Подробнее см.: [Dünnhaupt, 1990].

2 Стихотворение «Двор», 30-е гг. XVII в. [Пуришев, 2012, с. 327].

государеву двору эпохи Хэйан, ибо двор (о каком бы историческом периоде и цивилизации ни шла речь), ибо представляла собой совокупность противоположностей, характеризовавшуюся многоаспектностью и разнородностью.

СОВРЕМЕННОКИ О ХЭЙАНСКИХ ПИРАХ

Иллюстрируя хэйанское дворцовое пиршество, рассмотрение которого невозможно вне контекста придворной жизни, представлявшей изумительное зрелище, которое, увы, теряет свое очарование по мере погружения в атмосферу двора, обратимся к текстам исторических источников.

«Государь запланировал пиршество с любованием лунной в ночь на пятнадцатое число

восьмого лунного месяца третьего года Кохо [966 г. — М. Г.]. Двум соревнующимся командам повелели создать искусственные сады перед Сэйрёдэ³. Левую команду возглавил сёнагон⁴ и младший военачальник⁵ Наритоки⁶, глава Ведомства живописи, сын Моротада⁷ и старший брат Хоси⁸, одной из жен государя, жившей в Сэньдэн⁹. Правую команду возглавил девятый сын Моросукэ¹⁰, Тамэмицу¹¹, младший военачальник, руководивший Ведомством дворцовых работ. Обе команды усердствовали изо всех сил, стремясь победить. Участники из Ведомства живописи представили *сухама*¹² с нарисованным ландшафтом, где были изображены цветущие растения небесной красоты, садовый ручей и массивные камни. Разнообразные насекомые были поселены за грубой оградой из серебряной фольги. Художники из Ведомства

- 3 Сэйрёдэн — Павильон Чистой прохлады. Одно из центральных зданий дворцового комплекса (*дайдайри*) столичного града Хэйан. Именно там находилась опочивальня августейшего правителя.
- 4 Должность младшего советника двора, важный пост в карьере придворного. Рассматривался в качестве испытательного срока для получения ключевых административных постов.
- 5 Служба в гвардии была не столько почетной обязанностью отпрысков вельможных родов, сколько создавала высокую вероятность быть замеченным императором, что формировало новые возможности быстрого продвижения по службе.
- 6 Фудзивара Наритоки (941–995) — придворный сановник, дослужившийся до поста *дайнагона*. Мнения современников о нем расходятся. Согласно «Эйга моногатари», он был преисполнен всевозможных добродетелей, манеры являл утонченные, принадлежал к впечатлительному (немужественному) типу мужчины. Дневник правого министра Фудзивара Санэсукэ (957–1046) дает совершенно иную характеристику Наритоки: расчетливый, хитрый, двуличный, полный тщеславия, часто понукавший подчиненных, на пирах не раз переходивший меру дозволенного, язвительно задевавший присутствующих.
- 7 Фудзивара Моротада (920–969) — царедворец, получивший высшие государственные должности (в 966 г. он старший советник двора — *дайнагон*). Его дочь (Фудзивара Хоси; ?–967) стала супругой (*нёго*) императора Мураками (прав. 946–967).
- 8 Фаворитка государя Мураками, ставшая его супругой (*нёго*). Умерла за полгода до кончины императора. Смерть Хоси погрузила Мураками в тоску и меланхолию, приблизив печальный конец самого императора.
- 9 Павильон Явленного блеска. Располагался в северо-восточной части дворцового комплекса. Там, как правило, проживали наложницы-фаворитки императора.
- 10 Фудзивара Моросукэ (909–960) — царедворец, у которого сложились доверительные отношения с императором Мураками. Фудзивара Анси (927–964), дочь Моросукэ, стала императрицей (*тюгу*) и матерью государей Рэйдзэя (прав. 967–969) и Энью: (прав. 969–984). Плеяда славных отпрысков Моросукэ оставила о себе немало примеров верного служения трону.
- 11 Фудзивара Тамэмицу (942–992) сделал блестящую карьеру при дворе, дослужившись до поста Главного министра (*дайдзё дайджин*).
- 12 *Сухама* — сооружавшиеся на специальных подносах объемные макеты с изображениями скал, деревьев, цветов, птиц и т. п., т. е. предметов, символизирующих тему поэтического турнира. Подносы могли быть разной формы, чтобы максимально детально отразить изгибы береговой линии, а порой и миниатюрные песочные пляжи. На подносах располагались живые или искусственные растения, птицы, камни и т. д.

живописи изобразили вид на реку Ои¹³, представив фигуры прогуливавшихся вдоль реки людей, а также лодки с жаровнями. Рядом с насекомыми изваяли стихотворное послание¹⁴ (Илл. 1).

Ведомство дворцовых работ преподнесло достопримечательный поднос, с изысканной гравировкой, исполненной с величайшим мастерством. На том подносе был изображен пляж во время прилива, окруженный высаженными искусственными цветами, а также с искусно вырезанными соснами и бамбуком. Стихотворное обращение было прикреплено к свежесрезанной ветке *оминаэси*¹⁵.

Стихотворное посланиелевой команды:

«Мы не поведали сверчкам,
Что посадили цветы
Для его Величества,

Но все же в их мелодии-песне разносится
Наша вера в тысячу лет здоровья государя».

Стихотворное послание Правой команды:

«Пусть кто-то величает Вас
Искусственными цветами.
В этом году»
Оминаэси
Цветут изо всех сил.

Музыка играла, знатным особам вручили дары» [A Tale of Flowering Fortunes, 1980, p. 92–94].

«Вечером учитель авторитета [Закона Будды] и ритуала¹⁶ Сайдзэн¹⁷ провел во дворце чтения буддийских сутр. Потом случилось беспредельное погружение в омут пьянства. Довольно быстро дошло до безрассудных речей. Вельможный царедворец [Фудзивара Мородзан¹⁸], пребывавший

13 Река Ои у основания горы Арасияма (ныне район Укё в Киото) с, как правило, спокойным течением стала излюбленным местом отдохновения знати. На реке Ои, в частности, регулярно проводились гонки на лодках.

14 Стихотворения, как правило, помещались вокруг «сухама».

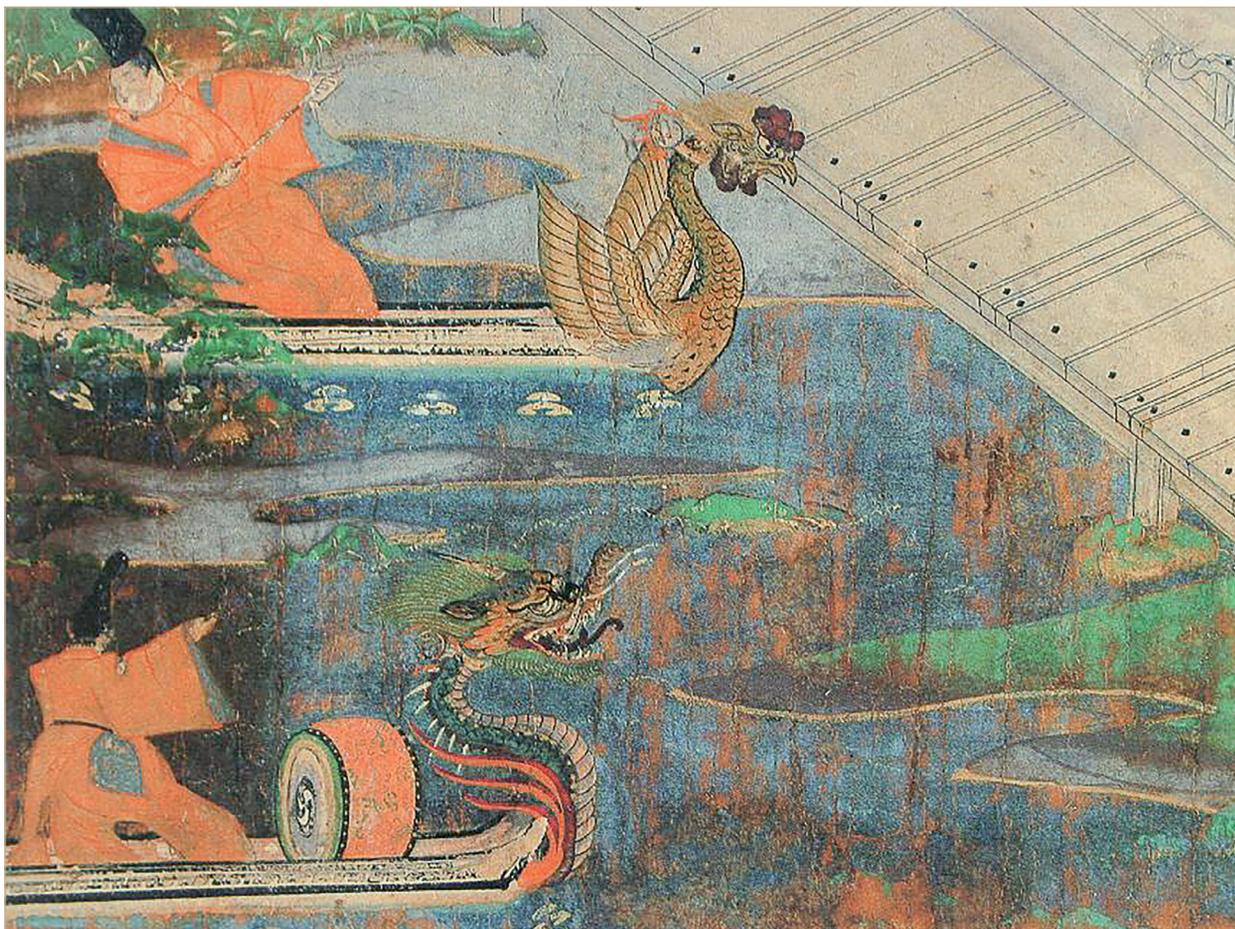
15 Патриния скабиозолистная — одна из «семи трав осени», многолетнее растение со щитковидными соцветиями из маленьких желтых цветов.

16 *Игиси*. Должность впервые введена в 771 г. и связана с новой политикой назначения на высшие должности в буддийской церковной организации верных двору людей. В прерогативу «*игиси*» входило руководство церемониями пострижения в монахи.

17 Высокоавторитетный буддийский наставник. Не раз фигурирует в качестве лица причастного к разрешению конфликтных ситуаций при дворе государя.

18 Фудзивара Мородзанэ (1042–1101) – государственный муж и выдающийся поэт. Имел официальный статус «тестя государя», хотя императрицей (супругой Сиракава (прав. 1072–1086)) была его приемная дочь Кэнко. В 1092 г. занимал пост канцлера-*кампаку*, т. е. главы Государственного совета. Зарекомендовал себя как ревнитель нравственности. Известен пример, когда во время неофициального пира один из *кэйсё ункаку* (досл. «властно сановная особа, представшая в образе облачного гостя»), участвовавших в пиршестве, настолько захмелел, что сперва явил чудеса подвижности и говорливости, а потом не мог подняться с места. Все это представляло жалкое зрелище. Тогда *кампаку* Мородзанэ повелел всем присутствовавшим на пиру составлять оду в духе стихотворения «О вине» из «Книги песен» (Шицзин), дабы в поэтической японской манере были обыграны следующие слова из этого, без сомнения, великолепного поэтического творения:

«Званные гости к циновке подходят сперва,
Каждый почтителен, тонок и щедр на слова,
В каждом, пока он еще не напился вина,
Важность осанки, как это и должно, видна.
Ну, а когда уже гости напьются вина,
Важность осанки в расстройстве и речь их бедна!
Место покинет, шатается там он и здесь,
Спляшет он несколько раз и кривляется весь.
Каждый, пока он еще не напился вина,
Важность осанки хранит — и достойна она.
Ну, а уж если напился он вдоволь вина —

Илл. 1. Драконы лодки

По: Обороя Хисаси. Отё то кидзоку (Государев двор и знать)
Токио: Сюэйся, 1991. С. 47. Илл. 26

в дворцовом комплексе, распорядился: “Отныне и впредь, если кто-то специально не приглашен, то не следует призывать его во дворец. Взирая вверх и обращаясь вниз (т. е., по моему скромному разумению. — М. Г.) при подборе служащих дворца надлежит отдавать предпочтение тем, кто способен совладать со своими желаниями”» [Тююки (Кандзи), 1934–1935, 6–5–3, 1092].

Приведенные выше примеры иллюстрируют две противоположные оценки придворных

обыкновений современниками: первая представляет двор правителя как нескончаемую круговерть высокопарных торжеств с участием изящных аристократов, обладающих блистательными манерами и чутких к окружающим; вторая, если не приравнивает двор к наихудшему месту, где безнравственность стала нормой и процветает безразличие к бедам других, то указывает, что придворная жизнь погрязла в пороках и представляет собой вернейший путь,

Важность осанки совсем он теряет спяна.

Тот, говорю, кто без меры упьется вином,

Тот и с порядком приличий совсем не знаком» (пер. А. А. Штукина) [Шицзин, 1987, с. 203].

ведущий к гибели. При этом в японских письменных источниках хэйанской поры (летописи, сводные исторические труды, дневники сановников, художественная литература и т. д.) четко просматривается тенденция к преодолению негативных тенденций, поскольку нехорошие явления при дворе наносили колоссальный вред репутации божественного правителя и, соответственно, всей страны. Надлежало стремиться (и средневековые тексты это выразительно демонстрируют) к идеальному конструкту, когда государству божественный владыка, пристально вззирающий на дела управления и окруженный высокодобродетельными и верными долгу подданными¹⁹, способными бескорыстно оказывать государю всемерную поддержку в деле исправления любых изъянов в родной державе.

Исследователь, отдающий себе отчет в значимости реконструкций на основе суждений современников при создании полноценной картины изучаемой эпохи, вне сомнения, должен основываться на первичных материалах, где не только обнаруживается специфика государева двора как центра политической и культурной жизни со всеми свойственными ей трансформациями, но и широко представлена присущая тому или иному явлению терминология.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИДВОРНЫХ ПИРШЕСТВ

Пирь в эпоху Хэйан чаще все обозначаются следующими терминами: *эн*, *найэн*, *тайкё*, *сэтиэ* и *эндзуй*.

Эн — пир в самом широком значении этого слова, устраиваемый по некоему примечательному случаю; поводом могло стать и выпадение первого снега, и благостное предзнаменование.

Найэн проводился во дворце по инициативе государя; существовал список гостей, а потому «*найэн*» был закрытым мероприятием.

Тайкё — пиршество, сопровождаемое многочисленными церемониальными действиями; круг гостей ограничивался сановитыми особами.

Сэтиэ — разновидность пира, когда само торжество были приурочено к конкретному ритуалу при дворе и все участники церемониального предприятия были приглашены на совместное пиршество.

Эндзуй — неформальное застолье, во время которого гости предавались гульбе вне всякой меры.

Несмотря на то что пирь неоднократно упоминаются в «Кодзики» («Записи о деяниях древности», сост. в 712 г.), мифолого-историческом своде «Нихон сёки» («Анналы Японии», сост. в 720 г.), поэтических антологиях «Мангёсю» («Собрание мириад листьев», втор. пол. VIII в.) и «Кайфусо» («Милые ветры поэзии», сост. в 751 г.) [*The Cambridge History of Japan*, 2008, vol. 2, p. 12], появление традиции пиров-*найэн* устойчиво ассоциируется с правлением государей Сага (прав. 809–823), Дзюнна (прав. 823–833) и / или Ниммё (прав. 833–850) [*Хэйан дзидай гисики...* 2003, с. 51–53; *Юсоку кодзицу дайджитэн*, 1995, с. 524–525].

«Мудрые правители» (*сэйдай*) Сага, Дзюнна и Ниммё рассматриваются в качестве образцовых государей, отличительной чертой которых были добродетельность (*току*), священная преобразующая сила (*сэйка*) и всеохватная грозность (*сэйи*). Они, как и подобало венценосным персонам, были инициаторами многих великих начинаний, учредителями неувядающих традиций. Благодаря их рдениям государев двор превращается в центр культуры с присущим ему определенным набором поведенческих черт: манерами и манерностью, особым складом ума, специфическим языком, наполненным не только изяществом, но и многозначностью, поскольку язык мог становиться своеобразным оружием в борьбе с оппонентами и недоброжелателями. Прямое значение употребляемых выражений порой кардинальным образом расходилось с их реальным смыслом, а перебранка зачастую превращалась в утонченное и высокопарное развлечение.

¹⁹ Так называемое «просвещенное чиновничество» (*бундзин*).

Илл. 2. **Портрет императора Сага**
 По: Рэкидай тэнно нэнго дзитэн (Справочник по девизам правления императоров). Ёнэда Юсуке (ред.). Токио: Ёсикава кобункан, 2003. С. 126

МУДРЫЕ ПРАВИТЕЛИ О МЕЛКОЙ РЫБЕШКЕ И ВЬЮЩИХСЯ РАСТЕНИЯХ

Лучшим из «мудрых правителей» признается Сага — ценитель китайской образованности, при котором жизнь двора организовывалась сообразно китайскому этикету (Илл. 2). Будучи, по идее, божеством, явленным в человеческом теле и обеспокоенным за судьбу страны, он был связан неразрывной нитью со своими подданными,

представляя для них непревзойденный пример подражания. Он сознательно (акцент в исторических источниках сделан именно на добровольности) передал власть младшему брату Дзюнна, продемонстрировав побуждение о благополучии подданных и процветании государства.

Без принуждения уступив царствие Ниммё (старший сын Сага), Дзюнна засвидетельствовал приверженность принципам преуспевания державы. В предисловии к общегосударственному летописному своду «Нихон коки» («Позд-

ние анналы Японии») дана высокая оценка деятельности всех трех императоров: «Предшествующий и последующий великие и высокие августейшие правители [Сага и Дзюнна] словно два Солнца на одном небосклоне. Сущность различна, но сияют одинаково. Чуткие и прозорливые, выдающиеся и добродетельные [они] приносили пользу людям, бескорыстно заботясь о благе других. Кормили лошадей и были пастырями несмышленных (т. е. вскармливали народ и руководили им. — М. Г.). Варили маленькую рыбешку, [не сдирая кожи и не вынимая внутренностей], аки почтенные судьи (т. е. мастерски управляли государством. — М. Г.). Нравы народа обильно напитались сияющей культурностью, а вьющиеся растения широко распространились (т. е. люди были щедро облагодетельствованы и пребывали в достатке. — М. Г.)... Наш нынешний правитель (Ниммё. — М. Г.) наделен совершенной красотой Неба и Земли и способен охватить благородный космос до мельчайших частиц. Обретя нефритовую печать, он сиянием озарил Поднебесную. Взирая на драгоценный план, умиротворил страну. Со времени его восшествия на престол настал период великого мирного правления в государстве. Человеческое и сыновняя почтительность стали сами собой таковы» [*Нихон коки*, 1982, с. 1].

Сага создал основу для последующего царствования созвездия талантливых правителей. Об императоре Сэйва (правнук Сага; прав. 858–876), вступившем на престол в девятилетнем возрасте и с детских лет посвятившем себя усердному учению, в летописи «Нихон сандай дзицуроку» («Правдивые записи о правлении трех императоров») сказано: «Манеры августейшего императора были изящны. Он был торжествен и спокоен, как божество; снисходителен, добр и великодушен. Давал мудрые советы... В своем поведении придерживался устоявшихся традиций. С упоением читал книги, а его мысли были пропитаны буддийскими наставлениями.

Никогда не проявлял интерес к соколиной и псовой охоте или же рыбной ловле. Обладал энергичным темпераментом и избытком высоких качеств величественного государя» [*Нихон сандай дзицуроку* (Гангё), 2009, 4–12–4, 880]. Даже свой смертный час он встретил, будучи преисполнен царственной величавости, проявляя сострадание и заботу о своих подданных²⁰: он «отправился в небеса в колеснице запряженной фениксами»; почил сидя, ноги его были скрещены, и казалось, что он все еще жив [*Нихон сандай дзицуроку* (Гангё), 2009, 4–12–4, 880].

Уход из жизни великого государя (в данном случае речь идет о дальнем потомке Сага — государе Мураками (прав. 946–967)), о котором «все могли только грезить», ибо он был «величественным, мудрым и образованным», «умело сочетавшим величайшее сострадание со здоровой любовью к празднествам и великолепию», словно «сын Яо уподобился самому Яо» [*A Tale of Flowering Fortunes*, 1980, р. 70–71]. Смерть Мураками стала причиной невообразимых страданий подданных: «О, ужас! С чем можно сравнить трагический конец государя Мураками? Это как будто гряда облаков пришла ниоткуда, дабы сокрыть солнечный диск, сияющий во всем своем величии. Точно бы весь солнечный свет в мгновение ока исчез из дворца. Как бессмысленно называть это событие «невывразимо печальным»! Придворные и знать отчаянно бродили по дворцу в беспамятстве от горя и отчаяния, всхлипывая: «Мы более никогда не увидим такого же славного правителя! Ах, если бы мы могли умереть вместе с ним!» [*A Tale of Flowering Fortunes*, 1980, р. 95].

Знаменательно, что отправная точка традиции пиров-«найэн» в Японии уходит именно во времена правления государя Сага. Хотя в сохранившейся до наших дней части летописного свода «Нихон коки» нет прямого упоминания об учреждении придворных пиров-«найэн», в летописи²¹, где нашли отражение деяния внука Сага — госуда-

20 Перед смертью Сэйва «объявил великую амнистию по всей стране», хотя государем уже не был, ибо отрекся от престола в 876 г.

21 Текст сохранился полностью.

ря Монтоку (прав. 850–858), находим такие слова: «Император угощал вином свой ближний круг. [Он] повелел, чтобы слагали стихотворения... То было сохранение для последующих поколений красивой [традиции эпохи] Кони²². Мероприятие получило наименование «внутренний пир» (т. е. *найэн*. — М. Г.)» [*Нихон Монтоку тэнно дзицуроку* (Ниндзю), 1943, 4–1–21, 854].

Истоки «внутреннего [дворцового] пира» ныне являются предметом полемики среди специалистов, однако в первой половине XX в. считалось, что дворцовые пиры в эпоху Хэйан были порождением исключительно японской культуры. Это было связано с национальным престижем, а посему столь изысканное обыкновение, как пир во дворце императора, не могло иметь иноземного (китайского!) происхождения [*Кодзи руйэн*, 1914. Т. 2, с. 1039–1053]. Доводы строились на изучении исключительно японских текстов (по преимуществу использовался лишь метод текстологии). Современная наука преодолела этот существенный недостаток и сейчас японские исследования отличаются разнообразием методологического инструментария.

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПИРОВ

Каковы основные точки зрения на происхождения пиров во дворце императора в эпоху Хэйан?

Пир-найэн — детище неподражаемой японской культуры

Попытаемся понять, каковы аргументы в поддержку этой точки зрения.

Поскольку восхищение собственной утонченностью было весьма распространено среди хэйанской знати, то пир-*найэн* выделялся неповторимой самобытностью. Некоторые традиции, присущие пиршеству, настолько прижились (и даже вызывали особенное чувство ликования и благолепия), что их невыполнимость порожила разочарование среди «облачных гостей». Неудовлетворение участников одного из пиров вызвала невозможность осуществления церемонии «благодарения места и почитания винной [чаши]²³ по причине проведения церемонии вызывания дождя» [*Кюрэки* (Тэнряку), 1958, 1–1–23, 948]. В сочинении «Сэнсю хики» («Собрание записей о тайном»)²⁴, где, как принято считать, зафиксированы исконно японские действия, проводимые во дворце императора в течение календарного года, и в своде придворных ритуалов «Бокудзансё» («Заметки с Северной горы»), отмечается, что при проведении *найэн* придерживались строгих правил:

а) место выбиралось к югу от Павильона Чистой прохлады или же торжество проводили непосредственно в Павильоне Человеколюбия и долголетия (Ниндзюдэн) [*Бокудзансё*, 1994, с. 148, 150, 153–155; *Сэнсю хики*, 1980, с. 124–125], хотя источники сохранили упоминания о том, что действо могло проходить и в других местах (для этого, к примеру, использовались два симметрично расположенных двора к западу от Павильона Чистой прохлады [*Эйга моногатари*, 1964–1965. Т. 1, с. 480, примеч. 57])

б) для пира устанавливали одну из дат с 21-го по 23-й день первого лунного месяца. Если на один из вышеозначенных дней выпадал День Крысы, то *найэн* предпочитали проводить в День

22 Кониин (досл. постижение человеколюбия) — девиз правления (*нэнго*) государя Сага (810–824).

23 Речь идет о специальном ритуале, проводимом с целью выражения почтения к тому месту, где будут сидеть участники пира. Завершался ритуал церемонией чинного получения чаши с *сакэ*. Примечательно, что немалое количество игр во время пира (в том числе состязаний на смекалку и память) имело в качестве отправной точки вино, а само вино перестает быть просто напитком, превращаясь в феномен культуры.

24 Массивное собрание обыкновений из 40 свитков (частично восстанавливаются только семнадцать свитков, в том числе «Сэйрёки» («Записи [Павильона] Чистой прохлады»)) «Сэнсю хики» было, по всей вероятности, плодом коллективного творчества группы придворных ученых. К таковым оказался причастен и Фудзивара Тамэфуса (1049–1115), попавший за свою проницательность и природный ум в круг ближних лиц императора, а потом и экс-государя (*инсэй*, досл. «повелевающий из молельни») Сиракава (прав. 1072–1086, ум. 1129).

Крысы; если же День Крысы не приходился на 21, 22 или 23 число первой луны, то выбирали день под покровительством иного циклического знака (например, День Змеи) [Бокудзансё, 1994, с. 148; Сэнсю хики, 1980, с. 123–124]

в) танцовщицы, приглашенные из Найкёбо²⁵, исполняли танцы и музицировали [Бокудзансё, 1994, с. 150–155; Сэнсю хики, 1980, с. 132–135]; иногда музыкальные композиции создавали почетные гости, как, например, в 947 г., когда государь Мураками присутствовал на пиру в Павильоне Узорчатых шелков (Рёкидэн), а именитые царедворцы принесли с собой духовые и струнные музыкальные инструменты, дабы, «взяв за образец дух цветов и проникнувшись чарующим пением иволги, подражать ее голосу при помощи музыкальных инструментов» [Тэйсин коки (Тэнгё), 1956, 10–1–23, 947]²⁶

г) обязательной частью программы было сочинение и декламация стихотворений-ши²⁷ [Бокудзансё, 1994, с. 153–159; Сэнсю хики, 1980, с. 123–159] (так в 837 г. на глазах у государя Ниммё гости церемониального застолья слагали стихотворения на тему: «У цветочной изгороди люблю пением соловья» [Сёку Нихон коки (Дзёва), 1934, 4–1–20, 837], в 874 г. слух божественного правителя Сэйва ласкали стихотворения на тему: «Весенний снег искрится на утренней сливе» [Канкэ бунсо, 1965, с. 65], а в 948 г. император Мураками повелел участникам пира «прочувствовать дух цветов ранней весной, чтобы источаемый ими аромат навевал рифмы

поэтического сочинения» [Кюрэки (Тэнряку), 1958, 1–1–23, 948]

д) император открывал и завершал пир, пребывая на возвышении над остальными гостями (зачастую завсегдаем торжества был и наследник престола) [Бокудзансё, 1994, с. 150–152, 493; Сэнсю хики, 1980, с. 156–159].

Государственный муж, ученый и прославленный поэт Сугавара Митидзанэ (845–903) в предисловии к стихотворению-ши «Ранней весной в Павильоне Ниндзюдэн слагают стихотворения о весеннем тепле» писал о пиршестве-найэн: «Если человек не находился в числе поданных, которым благоволил государь, или не являлся поэтом, которому было велено слагать стихотворения, то мог ли он и помыслить о том, чтобы так вести чистые беседы, развлекаться, предаваться мечтам и радоваться, как на том пиру?» [Канкэ бунсо, 1965, с. 79]. Т. е. если человек не входил в состав доверенных лиц государя, то он не мог участвовать в дворцовых пирах, но даже если придворный принадлежал к числу высших сановников, то не существовало гарантий, что он будет приглашен на найэн. Это был пир для узкого круга посвященных.

Аргументируя свои варианты истории происхождения японских пиров-найэн, сторонники описанной точки зрения обращаются к тексту грандиозного сводного исторического труда «Рудзю кокуси» («Систематизированная национальная история») ²⁸, составленного по повелению императора Уда (прав. 887–897) в 892 г. группой

25 Найкёбо — частная школа, где девушек обучали грациозным танцам и изысканной музыке. Время учреждения школы остается неустановленным (первое упоминание при государе Дзюнине (прав. 758–764)). В XIII в. школа Найкёбо пришла в упадок.

26 Главный министр (дайдзё дайджин), канцлер (кампаку) и утонченный поэт Фудзивара Тадахира (880–949) не смог присутствовать на этом чарующем мероприятии, и его душевные терзания красной нитью проходят через все повествование о пиршестве в дневниковых записях Тадахира. Причиной отсутствия Тадахира на пиру стал «день истощения сил» (суйнити), который имел непосредственное отношение к дате рождения, возрасту и принадлежности к одному из «двенадцати зодиакальных животных». В такой день надлежало практиковать воздержание и ни под каким предлогом не участвовать в увеселительных мероприятиях. Дабы отвадить от себя опасности и избежать упадка, день именовали токунити («благочестивый день»).

27 Стихотворения на стилизованном китайском языке (камбун) по правилам китайского стихосложения. Этот жанр японской поэзии получил название канси (досл. «стихотворения Хань») и пользовался наибольшей популярностью при императорском дворе и среди вельможной знати. Первая антология стихотворений-«ши» — «Кайфусо» («Милые ветры поэзии») — была составлена в 751 г. В традиционной Японии социальный статус поэта был весьма высок.

28 Из 200 свитков до нашего времени сохранилось 62.

ученых под руководством незаурядного человека — талантливого придворного и выдающегося знатока китайской культуры Сугавара Митидзанэ. Для японского историописания это был принципиально новый класс текстов — справочных пособий, где материал был расположен по рубрикам: «небесные и земные божества», «императорская семья», «женский дворец», «придворные», «ритуалы», «законы», «должности и ранги», «система землепользования» «благие знамения», «несчастливые предзнаменования» и т. д. (всего 18 разделов). Главенствующая целеустановка «Рудзю кокуси» состояла в приведении событий, зафиксированных в «Шести национальных историях» («Риккокуси») ²⁹, в порядок в соответствии с хронологической и тематической последовательностью [Сакамото Таро, 2007, с. 138–142].

В «Рудзю кокуси» относительно ранней истории дворцовых пиров находим следующие свидетельства:

«[Устроен] неофициальный пир. [На пиру] музицировали. Чиновники четвертого ранга и выше получили дары» [Рудзю кокуси (Дайдо), 1934, 4–1–23, 809].

«В дальнем дворце был устроен неофициальный пир. Мужам, сведущим в стихосложении «*ши*», было велено сочинять стихотворения. Государь вручил им дары» [Рудзю кокуси (Конин), 4–1–21, 813].

«[Устроен] неофициальный пир. Девушки музицировали. Ближним слугам [в качестве даров] был поднесен хлопок» [Рудзю кокуси (Конин), 8–1–21, 817].

«[Устроен] неофициальный пир. Ближним слугам [в качестве даров] был поднесен хлопок» [Рудзю кокуси (Конин), 9–1–21, 819].

«[Устроен] неофициальный пир» [Рудзю кокуси (Конин), 10–1–20, 820].

«В Павильоне Ниндзюдэн состоялся дворцовый пир-«*найэн*» Было велено сочинять стихотворения о весне и танцах. В закатный час [все присутствующие] получили от императора дары» [Рудзю кокуси (Тэнтё), 8–1–20, 831].

Как явствует из текста «Рудзю кокуси», традиция дворцовых пиршеств возникла еще при предшественнике Сага-тэнно — государе Хэйдзэй (прав. 806–809), однако пир, устраиваемый в 20-х числах первого лунного месяца, еще не назывался *найэн*, он именовался *кёкуэн*, то есть пир, организованный неофициально, вне установленного церемониала, без какого-либо значимого повода. Предполагается, что такие застоля не носили характера официальных политических приемов. Однако в бытность Сугавара Митидзанэ неофициальные дворцовые пиры с чтением изысканных стихотворений-*канси* были укоренившейся при государевом дворе традицией.

Ключевой вопрос дискуссии о происхождении дворцовых пиров в эпоху Хэйан заключается в том, были ли эти пиры исконно японской традицией или нет? «Доказывая», как представляется, «истинные» корни вышеупомянутого придворного торжества, приверженцы точки зрения об исконно японских истоках «*найэн*» опираются на суждение Сугавара Митидзанэ:

«О дворцовых пирах-*найэн*, которые проводились ранней весной, нет упоминаний в «Цзин Чу суй ши цзи» ³⁰. Нет примеров [аналогичных пиршеств] в [Китае] в периоды Чжоу и Хань. Повелитель самолично установил [эту традицию] в прежние времена и обычай существует [и ныне] при нашем совершенно мудром импера-

29 «Шесть национальных историй» — погодные летописи, составленные по императорскому рескрипту и призванные засвидетельствовать взгляды правителя и государева двора по вопросам управления подвластной территорией, а также продемонстрировать принципы, на основе которых осуществляются взаимоотношения с другими государствами. «Шесть национальных историй» фиксировали события от «эры богов» до 887 г. Главными объектами описания составителей «Риккокуси» были император и его ближайшее окружение.

30 «Цзин Чу суй ши цзи» («Записи о временах года Цзин-Чу») — фундаментальное собрание описания китайских обычаев, составленное в VI в. (точный год не известен). Сохранилось 77 свитков, где обыкновения из повседневной жизни и ритуальной практики расположены в календарном порядке. В эпоху Хэйан среди представителей интеллектуальной элиты «Цзин Чу суй ши цзи» рассматривалось в качестве высокоавторитетного сборника, детально повествующего о специфических особенностях китайских ритуалов.

торе» [*Канкэ бунсо*, 1965, с. 148]. Как следствие, гипотеза о том, что являющаяся характерной особенностью самобытной японской культуры традиция пиров-*найэн*, которую инициировал «император-мудрец» Сага, стала широко распространённой в Японии.

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бокудзансё (Заметки с Северной горы). Токио: Синто тайкэй, 1994. — 664 с. [*Bokuzansho (Notes of the Northern Hills)*]. Токио: Shinto taikai, 1994. — 664 p. (in Japanese)].

Канкэ бунсо. Канкэ косю (Литературное собрание дома Сугавара. Позднее собрание дома Сугавара). Токио: Иванами сётэн, 1965. — 739 с. [*Kanke bunso. Kanke koshu (Sugawara Family Literary Drafts. Sugawara Family Later Collection)*]. Токио: Iwanami shoten, 1965. — 739 p. (in Japanese)].

Кодзи руйэн (Энциклопедия дел стародавних). Токио: Кодзируйэн канкокай, 1914. Т. 2. — 1490 с. [*Koji ruien (Encyclopedia of Historical Terms)*]. Токио: Kojiruien kankokai, 1914. Vol. 2. — 1490 p. (in Japanese)].

Кюрэки (Дневник господина с девятой линии). Токио: Иванами сётэн, 1958. — 314 с. [*Kyureki (Ninth Avenue Diary)*]. Токио: Iwanami shoten, 1958. — 314 p. (in Japanese)].

Нихон коки (Поздние анналы Японии). Токио: Ёсикава кобункан, 1980. — 138 с. [*Nihon Koki (Later Chronicle of Japan)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1980. — 138 p. (in Japanese)].

Нихон Монтоку тэнно дзицуроку (Правдивые записи об императоре Японии Монтоку). Токио: Ёсикава кобункан, 1934. — 900 с. [*Nihon Montoku tenno jitsuroku (Veritable Records of the Emperor Montoku)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1934. — 900 p. (in Japanese)].

Нихон сандай дзицуроку (Правдивые записи о правлении трех императоров). Токио: Эбису косё сьуппан, 2009. Т. 1. — 716 с. Т. 2. — 470 с. [*Nihon sandai jitsuroku. (Veritable Records of Three Reigns of Japan)*]. Токио: Ebisu kosho

shuppan, 2009. Vol. 1. — 716 p. Vol. 2. — 470 p. (in Japanese)].

Пуришев Б. И. *Западноевропейская литература XVII века*. М.: Альянс, 2012. — 131 с. [Purishev B. I. *Western European Literature of the 17th Century*. Moscow: Alliance, 2012. — 131 p. (in Russian)].

Рудзю кокуси (Систематизированная национальная история). Токио: Ёсикава кобункан, 1934. Т. 1. — 546 с. Т. 2. — 542 с. [*Ruiji kokushi (Classified National Histories)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1934. Vol. 1. — 546 p. Vol. 2. — 542 p. (in Japanese)].

Сакамото Таро. *Сугавара Митидзанэ*. Токио: Ёсикава кобункан, 2007. — 178 с. [Sakamoto Taro. *Sugawara Michizane*. Токио: Yoshikawa kobunkan, 2007. — 178 p. (in Japanese)].

Сёку Нихон коки (Продолжение поздних анналов Японии). Токио: Ёсикава кобункан, 1934. — 718 с. [*Shoku Nihon koki (Latter Chronicles of Japan, continued)*]. Токио: Yoshikawa kobunkan, 1934. — 718 p. (in Japanese)].

Сэнсю хики (Собрание записей о тайном). Под ред. Токоро Исао. Токио: Кокусё канкокай, 1980. — 556 с. [*Senshu hiki (Collection of Secret Notes)*]. Ed. by Tokoro Isao. Токио: Kokusho kankokai, 1980. — 556 p. (in Japanese)].

Тэйсин коки (Записи господина Саданобу). Токио: Ринсэн сётэн, 1956. — 371 с. [*Teishin koki (Records of the Sadanobu)*]. Токио: Rinsen shoten, 1956. — 371 p. (in Japanese)].

Тююки (Записи правого министра). Токио: Ринсэн сётэн, 1934–1935. Т. 1. — 352 с. [*Chyuuki (Records of the Right Minister)*]. Токио: Rinsen shoten, 1934–1935. — 352 p. (in Japanese)].

Хэйан дзидай гисики нэнтю гёдзи дзитэн (Энциклопедия ежегодных обрядов в период Хэйан). Под ред. Абэ Такэси, Ёсио Акико, Айсё Такаси. Токио: Токёдо сьуппан, 2003. — 378 с. [*Heian jidai gishiki nenju gyoji jiten (Encyclopedia of Annual Rituals during the Heian Period)*]. Ed. by Abe Takeshi, Yosio Akiko and Aiso Takashi. Токио: Tokyodo shuppan, 2003. — 378 p. (in Japanese)].

Шицзин (Книга песен и гимнов). Пер. А. А. Штукина. М.: Художественная литерату-

ра, 1987. — 352 с. [*Shi-jing (The Book of Songs)*]. Tr. by A. Shtukin. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1987. — 352 p. (in Russian)].

Эйга моногатари (Повесть о славе). Под ред. Мацумура Хиродзи и Яманака Ютака. Токио: Иванами сётэн, 1964–1965. — 589 с. [*Eiga monogatari (A Tale of Flowering Fortunes)*]. Ed. by Matsumura Hiroji and Yamanaoka Yutaka. Токио: Iwanami shoten, 1964–1965. — 589 p. (in Japanese)].

Юсоку кодзицу дайджитэн (Большой словарь обыкновений и дел стародавних). Под ред. Судзуки Кэйдзо. Токио, 1995. — 718 с. [*Yusoku kojitsu daijiten (Encyclopedia of Court and Samurai Rules of Ceremony and Etiquette)*].

Ed. by Suzuki Keizo. Токио, 1995. — 718 p. (in Japanese)].

A Tale of Flowering Fortunes. Annals of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period. Translated with an Introduction and Notes McCullough, William H. and McCullough, Helen Craig. Stanford, CA: Stanford University Press, 1980. — 910 p.

Dünnhaupt G. Friedrich Rudolph Ludwig Freiherr von Canitz (1654–1699). *Personalbibliographien zu den Drucken des Barock*. Bd. 2. Stuttgart: Hiersemann 1990. S. 969–976.

The Cambridge History of Japan. Vol. 2. *Heian Japan*. Ed. by Donald H. Shively and William H. McCullough. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. — 782 p.

